

Аль-Хаснави Али Ради

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ "ГДЕ ЗВУЧИТ" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье описана специализированная структурная схема "где звучит" – маркер состояния человека, окружающей среды и природы, – формируемая возвратной формой глаголов звучания. Подход к структурной схеме как знаку пропозиции обусловил ее двухкомпонентный состав. Функция косвенного падежа в позиции носителя состояния – следствие его "сдвинутого" употребления, сопровождающего изменения в семантике личного глагола звучания. Акцентируется внимание на семантической дифференциации структурообразующего глагола и специфике речевой реализации схемы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 19-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

10. Москальская О. И. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Наука, 1983. 344 с.
11. Мусагулова Р. А. О функциях устойчивых глагольно-именных словосочетаний в организации текста // Синтаксические структуры в акте коммуникации. М.: Наука, 1988. С. 75-83.
12. Райхштейн А. Д. О сопоставлении фразеологических систем // Иностранные языки в школе. М., 1980. № 4. С. 8-14.
13. Riesel E. Der Stil der deutschen Altagsrede. – Moskau: Moskauer Universität, 1964. 315 S.
14. Schippan T. Einführung in die Semasiologie. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1975. 269 S.
15. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Berlin: Berliner Universität, 1967. 356 S.
16. Stepanova M. D., Chernysheva I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М.: Vysshaja Schkola, 1986. 247 S.
17. Thiel B. Das deutsche Progressiv: neue Struktur in altem Kontext [Электронный ресурс]. URL: <http://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-13-2/beitrag/Thiel1.htm> (дата обращения: 11.11.2010).

ON FIXED COLLOCATIONS OF NON-PHRASEOLOGICAL TYPE AND RELATED PROBLEMS IN THE GERMAN LANGUAGE

Alikova Svetlana Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Caucasian Federal University
kopaeva1979@yandex.ru

The author considers the linguistic and pragmatic significance of the fixed collocations of non-phraseological type, raises the questions of their classification, the reasons of origin, semantic fields, and the role of the collocations of this type in the modern German language, tells that the semantic fields of the fixed collocations of non-phraseological type correlate with verbal ones, and emphasizes the necessity to distinguish the German progressive from the fixed collocations corpus.

Key words and phrases: verbal-noun word combination; rethinking degree; the German progressive; fixed collocations classification; stability.

УДК 81,367

Филологические науки

В статье описана специализированная структурная схема «где звучит» – маркер состояния человека, окружающей среды и природы, – формируемая возвратной формой глаголов звучания. Подход к структурной схеме как знаку пропозиции обусловил ее двухкомпонентный состав. Функция косвенного падежа в позиции носителя состояния – следствие его «сдвинутого» употребления, сопровождающего изменения в семантике личного глагола звучания. Акцентировано внимание на семантической дифференциации структурообразующего глагола и специфике речевой реализации схемы.

Ключевые слова и фразы: локативный субъект; предикатив; состояние; окружающая среда.

Аль-Хаснави Али Ради

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
ali88_a@mail.ru

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ «ГДЕ ЗВУЧИТ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА®

Данная статья посвящена описанию компонентного состава структурной схемы, лексического наполнения и специфики речевой реализации высказываний, формируемых глаголами звучания, за которыми традиционно закреплен термин «односоставные безличные предложения».

Традиционной грамматикой дифференциация односоставных предложений основана, прежде всего, на компонентном составе грамматической основы предложения, которую образуют главные члены предложения: подлежащее и сказуемое. Безличное предложение по указанному признаку характеризуется тем, что его структурная основа (в ее традиционном понимании), ядро предложения, представлена сказуемым, грамматическая природа которого исключает позицию именительного падежа – маркера предмета, о котором сообщается нечто, представленное сказуемым. А. А. Потебня, акцентируя внимание на генетической природе безличных предложений, говорит о том, что при первоначальном появлении в сказуемом безличности подлежащее остается нетронутым, однако сформировавшаяся безличность подчиняет себе всё предложение, в результате чего подлежащее устраняется [13, с. 322]. А. М. Пешковский предложения этого типа квалифицирует как такие, «в которых не может быть подлежащего по самому их строению, подобно тому, как не может быть головы у бесчерепного позвоночного – ланцетника» [12, с. 304]. Бесподлежность этих предложений он объясняет тем, что поскольку у безличного глагола в позиции сказуемого отсутствуют формы «настоящего» согласования «с подлежащим (лицо, число и в прошедшем времени род), приурочивающие выраженную

временем и наклоном деятельность к определенному деятелю, то получается сказуемое совсем особого рода: оно изображает деятельность без деятеля, или деятельность, оторванную от своего деятеля. Понятно, что оно не только не может иметь при себе никакого подлежащего, но не может и намекать на какое-либо определенное подлежащее...» [Там же, с. 305]. Продолжая свою мысль, он констатирует: «...с внутренней стороны эти предложения можно определить как **предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли**. Это совершенно особая... формальная категория русского языка» [Там же].

Соглашаясь с тем, что безличные предложения – это специфический тип русской языковой картины мира, мы не можем обойти вниманием неоднозначность отношения к выделенным предложениям со стороны славистов, причиной которого служат семы 'стихийность', 'пассивность', 'непроизвольность', 'бесконтрольность'. Н. Жаринцова (Nadine Jarintzov, 1916 г.), задавшись целью показать специфику русского национального характера и способа его выражения в языке, отмечает: «...безличная форма глаголов сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления» [23]. А. Вежицкая, продолжая эту мысль, пытается выявить свойства национального характера русских через национально-специфическое в русском языке. Наличие безличных предложений она также считает свойством русского языкового типа мышления, русской ментальности, отличной от ментальности, например, англичан [4, с. 43-47]. По ее мнению, русским неподвластна их собственная жизнь, их способность контролировать жизненные события ограничена; русский человек склонен к фатализму, смирению и покорности; выделенность индивида как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий у русских недостаточная [Там же, с. 30].

Отечественные лингвисты (Г. А. Золотова, Э. К. Тарланов и др.) наличие безличных предложений объясняют не спецификой русского языкового типа мышления, а богатством русского языка, его способностью развивать исходный субъектно-предикатный тип предложения в различных направлениях, в том числе и «в направлении абсолютизации предиката» [19, с. 9], порождающей безличные предложения, что не свойственно другим западноевропейским языкам. Наличие большого количества разнообразных по структуре и семантике предложений позволяет представить многообразие «смысловых и выразительных оттенков, различий в выражении состояний, эмоций, яркую гамму модальных и межличностных отношений, представленных в семантическом пространстве русского синтаксиса» [Там же, с. 10-11], сделать осознанный или интуитивный «выбор из множества средств», что свидетельствует о глубине, развитости и богатстве русского языка, его возможности «тоньше, полнее, глубже, универсальнее» [6, с. 112-113] выполнять свое важнейшее предназначение – быть полнозначным средством коммуникации.

Вопрос о структурной схеме безличного предложения в отечественной лингвистике не нашел однозначного решения. Представители формального направления современного синтаксиса понимают под структурной схемой «абстрактный синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение» [16, с. 92]. Компонентами структурной схемы являются «определенным образом организованные словоформы, формы слов, организующие предикативную основу предложения» [5, с. 546] и называемые главными членами: подлежащее и сказуемое. Данный подход послужил основанием признать однокомпонентность структурных схем безличного предложения, формируемых различными по способу выражения сказуемого лексико-грамматическими классами: безличным глаголом, безличными глагольными формами, словами категории состояния с модальными значениями, а также лексически полнозначными предикативами (словами категории состояния).

Наш подход к структурной схеме простого предложения как к синтаксическому знаку, означаемым которого является типовая пропозиция в качестве смыслового знака номинируемой предложением ситуации, а означаемым – словоформы, маркирующие компоненты пропозиции, определяют двухкомпонентный состав структурной схемы любого предложения [7, с. 31-57]. Поясним нашу позицию. Пропозиция как смысловой конструкт ситуации состоит из смыслов, основными из которых являются субъект и предикат. Субъект представляет предмет речи, предикат – то, что сообщается о предмете речи, определяя тем самым наличие предикативных отношений, вне которых нет ни пропозиции, ни предложения, и конститутивность вхождения в структурную схему словоформ – знаков указанных смыслов, обеспечивающих минимальную двухкомпонентность структурной схемы простого предложения.

Означаемым структурной схемы «где звучит» является пропозиция «состояние, проявляемое наличием звука», представленная смыслами 'субъект – пациент' – 'состояние', формируемыми онтологической природой семантической категории состояния: инактивностью, перцептивностью, статичностью, ограниченностью временными рамками, фазисностью, каузируемостью, квантифицируемостью.

Структурообразующим компонентом схемы, ее предикативом, являются безличные формы личных глаголов звучания. Специфика этого структурообразующего компонента состоит в том, что его роль маркера состояния вызвана перекатегоризацией личного глагола звучания. «В основе перекатегоризации лежит принцип метафоризации, т.е. метафорическое соотнесение с соответствующей категорией за счет функциональной реализации необходимых прототипических признаков» [1, с. 47], перечисленных выше. В результате перекатегоризации личные глаголы звучания приобрели признаки безличных глаголов, заняли их позицию в структуре высказывания, утратив, таким образом, связь с производителем звука как его источником.

По специфике своего лексического значения глаголы можно дифференцировать на три группы: 1) глаголы, обозначающие состояние окружающей среды; 2) глаголы, обозначающие физиологическое состояние человека; 3) глаголы со значением действия стихийных сил природы.

Первую группу формируют глаголы типа *бурлило* ‘издавало рокочущий звук’; *гремело* ‘издавало громкий, резкий, раскатистый звук’; *громыхало* ‘издавало сильный прерывистый шум’; *грохотало* ‘издавало сильный раскатистый гул при разрыве’; *грянуло* ‘издало внезапный резкий звук, загремело’; *звенело* ‘производило звук высокого тембра’; *звякало* ‘производило резкий, звенящий, отрывистый звук’; *шаркало* ‘производило трением негромкий специфический шум’; *рокотало* ‘производило дробные раскатистые звуки, сливающиеся в монотонное звучание’; *скрипело* ‘производило резкий с металлическим оттенком звук, возникающий при трении’; *трещало* ‘издавало резкий сухой звук, подобный звуку, характерному при нарушении целостности предмета’; *хрипело* ‘издавало сипящие, глухие звуки’; *шумело* ‘производило нестройные звуки, сливающиеся в громкое звучание’; *шуришало* ‘производило лёгкий шум, шелест, шорох’ и др.: *В забоях крепости ставили ненадежные, – хозяин жалел лес, часто грохотало и давило людей* [21, с. 95]; *В запечье зашуришало, косматый старик выкатился из мути, окрысился* [22, с. 13]; *Где-то зашаркало, зазвенело: куранты собирались отбивать утренний час* [21, с. 314]; *Налетели пожарные машины, одна из них и своротила набок опаленную огнем липу; поднялся звон, шум, крики, уругими струями забила вода из брандспойтов, затреещало* [9, с. 239]; *На девятый день хозяин появился в мастерской, швырнул клетку на стол, на который ставились готовые починки, обругал мастеровых, подмастерьев и мальчиков – всех сразу, двинул дверью так, что на верстаках забрякало и зазвякало* [10, с. 18]; – *Что это? А там гукнуло как... А это что, Петрович?... – Птица какая-то, Егорка. Болотная* [15, с. 35].

Во вторую группу входят глаголы со значением физиологического состояния человека: *хрипело* ‘испытывало физиологический дискомфорт, сопровождаемый хрипылыми неясными звуками, издаваемыми при дыхании’; *гудело* ‘испытывало болезненное состояние, производившее впечатление воспринимаемого протяжного монотонного низкого звука’; *звенело* ‘имело место состояние, создававшее впечатление раздражающего, неприятного звука высокого тембра’; *клокотало* ‘испытывало состояние, похожее на рокочущие звуки, бурление’; *ныло* ‘испытывало тупую, тянущую боль, похожую на ощущение от раздражающего тягучего, унылого звука’; *стучало* ‘испытывало болезненное состояние, похожее на воспринимаемый неприятный звук, произведенный ударами’; *шумело* ‘испытывало болезненное состояние, похожее на сливающиеся нестройные глухие звуки’: *Из носа пытаемого шла черная кровь; в мохнатой груди хрипело, как в кузнечных мехах* [21, с. 151]; *Голова сделалась тяжелой, в ушах шумело, в темени я ощущал тупую беспрестанную боль, – точно кто-то давил на него мягкой, но сильной рукой* [11, с. 71]; *В голове гудело, в ушах не стихал свист и грохот, – и он не верил, что вокруг установилась тишина* [2, с. 88]; *Гулко и часто застучало в ушах, когда прошел Авраам в шаге от платана* [18, с. 161]; *В ушах у Ромашова зазвенело от выстрела* [14, с. 276].

Глаголы со значением действия стихийных сил природы формируют малочисленную группу: *гремело* ‘издавало громкие, резкие, раскатистые звуки’; *потрескивало* ‘время от времени издавало резкий сухой треск’; *грохотало* ‘издавало сильный, оглушительный, раскатистый шум’; *шибануло* ‘бабахнуло, грянуло, произвело шум’ и др.: *Давно не было такой грозы. Гремело всюду: в горах, в борах и на потемневшем пруду* [22, с. 581]; *Сразу забурлило, зарокотало, – вода с шумом рванулась в вешияк* [Там же, с. 399]; – *Приходил с покоса Ушков и все страдал: «Гляди, через поле змей пойдет!».* А как *шибануло, ну и подумала я: рассказал господь грешников, – ан нет! Целехоньки! Выходит, для прилику поворчал и смилостивился* [Там же, с. 582].

Признание двухкомпонентности структурной схемы «где звучит» как синтаксического знака пропозиции состояния предопределяет наличие позиции словоформы со значением пассивного носителя предикативного признака, субъектива.

Вопрос о субъектной словоформе и ее статусе в безличных предложениях имеет длительную историю. Первое упоминание о специфике субъектной словоформы при безличных глаголах отмечено в начале XIX века (1811 г.) в работе И. Ф. Тимковского «Опытный способ к философическому познанию Российского языка», изданной Университетской типографией Харькова [20, с. 58].

На сохранении позиции словоформы со значением носителя предикативного признака в современной отечественной лингвистике неоднократно акцентируют внимание ведущие ученые России. Обосновывая свою позицию, Г. А. Золотова пишет: «Предложение как речемыслительный акт не может состояться без приписывания признака его носителю, иными словами – без соотнесения возникающего смысла с действительностью – в категориях модальности и лица» [6, с. 105].

В нашем случае субъектив реализует позицию носителя состояния. В структуре высказывания он может быть объективирован или необъективирован по различным причинам, но в любом случае позиция словоформы с этим значением сохраняется. Ср.: *Под возгласы хора вдруг грозно ахнула пушка: над площадью загремело-загрохотало, над толпой с визгом понеслись осколки...* [21, с. 473] – *Чуть слышно звякнуло, но Мосолову показалось – зазвонили колокола* [22, с. 472].

Морфологическая природа и лексическое значение субъектного компонента определяется семантикой и морфологической природой предикатива. Формальным объединяющим их признаком является, прежде всего, косвенный падеж, замена которым именительного падежа привела к «обезличиванию» конструкции. «Косвенный падеж в функции субъекта – это новый образец “сдвинутого” употребления падежей», сопровождаемый «заметными сдвигами в семантическом содержании глагола» [8, с. 62].

При предикативах со значением состояния окружающей среды и состояния природы субъектив номинирован различными предложно-падежными формами – маркерами ограниченных пространств и территорий (*башня, кусты, запечье, кайло, ноги, узел* и т.п.) и местоименными наречиями (*где-то, там, внизу* и т.п.). Локативная семантика субъектных словоформ послужила основанием терминировать маркируемый субъект локативным [17]: *В запечье зашуришало, косматый старик выкатился из мути, окрысился* [22, с. 13];

Над высотой вновь грохотало... [2, с. 447]; – *Поставьте на ноги! – прохрипело из узла* [22, с. 473]; *И тут тряслась напасть: тюкнул сосед в породу – под кайлом зашумело, оторвалась грузная глыба и осела рядом с горщиком, чуть не придавила его* [Там же, с. 463]; – *Идёт, идёт, идёт! – прошумело в классе и стихло, как перед грозой* [14, с. 63]; *Где-то далеко громыхало, будто там перекатывали с места на место тяжёлые пустые бочки* [2, с. 236].

Предикаты эмоционально-психического и физиологического состояния живого существа соответственно определяют в позиции субъектива, как правило, форму предложного падежа, представленную наименованиями неотторгаемых частей тела человека в качестве вместилищ состояния: *Никита заторопился, из последних сил выбивались ружейники, от натуги в грудях хрипело...* [21, с. 17]; *Изжога проклятая мучила, да гудело в башке, как из пушек кто палил* [Там же, с. 19]; *И в груди хрипело, как только что хрипели часы* [2, с. 226]; *Стиснув зубы и ощеряясь, Матвей Юргин рванулся вперед, – рванулся такими порывистыми бросками, что мгновенно захрипело в горле...* [Там же, с. 449]; *Он хотел зажечь спичку. Но шепот его был горячий, в пылающей голове шумело, звенело, руки, ноги леденели...* [3, с. 266].

Субъект может быть представлен комплексно: формой родительного падежа с предлогом «у» личного имени со значением целого в сочетании с предложным падежом наименований органов тела как части целого, вместилища состояния: *От этой мысли у Ивана Ивановича заныло в груди, и он с удивлением сказал о себе: «Вот что значит сердце! В мозгу долбит: она достигла, а я не достиг»* [9, с. 75]. При этом основным носителем состояния, его вместилищем является часть тела человека, его органы. Форма «у + род. пад.» безболезненно для информативного компонента семантики предложения может быть эллиптированной или занять позицию атрибутивной конструкции: *В ушах у Ромашова зазвенело от выстрела* [11, с. 276].

В процессе речевой реализации выделенная структурная схема подвергается видоизменениям, характер которых определяется соотносительностью информативного компонента с предикативной осью предложения и соотносительностью содержания высказывания с определенным фрагментом внеязыковой ситуации, с референтом. Как правило, это актуальное прошедшее время индикатива без актуализации временного дейксиса, определяемое с точки зрения момента речи, имеющее значение предшествования по отношению к грамматической точке отсчета (примеры выше). Актуальное настоящее, совпадающее с моментом речи, в речевой реализации схемы представлено единичными примерами: *В мозгу долбит: она достигла, а я не достиг* [9, с. 75].

Речевое видоизменение схемы, отражающее отношение субъекта состояния (пациенса) к предикату, маркировано введением в позиционную схему фазового модификатора, в нашем материале – со значением начальной фазы состояния: *Не в меру стало клонить в сон, рвать в глаз, звенеть в ушах; стали пухнуть ноги, стала томить неотвязная мечта: поест чего-нибудь горячего, с солью* [3, с. 342].

Неполная реализация схемы представлена эллипсисом субъектива: *Я и рада, а тут хлоп – война! И зазрело. И покатило. Завыли бабы от похоронок* [9, с. 504].

Состояние – категория изменяемая, имеющая временные рамки, каузируемая. Это определяет включение в позиционную схему конструкций, маркирующих сирконстанты, занимающих позицию детерминанта. В нашем материале такой конструкцией является каузативный сирконстант: *Потрескивало от мороза. Обледенелые ветки тихо покачивались и звенели* [22, с. 393].

Анализ материала позволил прийти к следующим выводам.

1. Двухкомпонентная структурная схема простого предложения «где звучит» с означаемым «состояние» является малопродуктивной. Из общего количества высказываний (более 5000) нашей выборки, формируемых глаголами звучания, данная схема представлена 50 примерами. Структурообразующий компонент маркирован безличной формой личного глагола с семей «звук»; локативный субъект – формами косвенных падежей или наречием с соотносительным значением.

2. Речевая реализация схемы ограничена формой прошедшего времени и фазовой модификацией.

3. Каузативный характер состояния определяет включение в позиционную схему соотносительной детерминирующей конструкции.

Список литературы

1. **Болдырев Н. Н.** Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2001. № 2. С. 44-55.
2. **Бубеннов М.** Белая береза. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Книга первая и вторая. 631 с.
3. **Бунин И. А.** Проза. Повести и рассказы 1890-1912 / Институт «Открытое общество»; «Пушкинская библиотека». М.: Слово/slovo, 2000. 880 с.
4. **Вежицкая А.** Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 404 с.
5. **Грамматика современного русского литературного языка** / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 765 с.
6. **Золотова Г. А.** Понятие личности/безличности и его интерпретации // Russian linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language. 2000. Vol. 24. С. 103-115.
7. **Казарина В. И.** Еще раз о структурной схеме простого предложения // Актуальные проблемы современного языкознания и методика преподавания языка: сб. материалов Международной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения проф. И. А. Фигуровского. Елец: ЕГУ, 2004.
8. **Кацнельсон С. Д.** Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
9. **Коптяева А. Д.** Дерзание. М.: Советский писатель, 1965. 512 с.
10. **Кочетов Всеволод.** Журбины. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 398 с.

11. **Куприн А. И.** Избранные сочинения: в 2 т. Фрунзе: Кыргызстан, 1982. Т. 1. Повести и рассказы. 504 с.
12. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1934. 452 с.
13. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике: в 4 т. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 551 с.
14. **Пришвин М. М.** Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. Кашеева цепь. Мирская чаша. Произведения 1914-1923. 679 с.
15. **Проскурин Петер.** Горькие травы. М.: Советский писатель, 1964. 524 с.
16. **Русская грамматика.** М.: Наука, 1980. Т. II. Синтаксис. 709 с.
17. **Селеменова О. А.** Субъективы структурных схем простых предложений со значением состояния природы в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2. С. 175-178.
18. **Симашко Морис.** Маздак. Повести черных и красных песков. М.: Изд-во «Известия», 1979. 460 с.
19. **Тарланов З. К.** Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: ПГУ, 1999. 207 с.
20. **Телкова В. А.** Исторические очерки о преподавании синтаксиса в средних учебных заведениях России: дореволюционный период. Елец: ЕГУ, 2012. 200 с.
21. **Федоров Е. А.** Каменный пояс: роман-трилогия. М.: Изд-во «Правда», 1989. Книга первая. Демидовы. 734 с.
22. **Федоров Е. А.** Каменный пояс: роман-трилогия. М.: Изд-во «Правда», 1989. Книга вторая. Наследники. Книга третья. Хозяин каменных гор. 748 с.
23. **Jarintzov Nadine.** The Russians and Their Language. М.: Оникс, 2010. 278 с.

ON STRUCTURAL SCHEME OF SENTENCE “WHERE SOUNDS” IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Al'-Khasnavi Ali Radi

Elets State University named after I. A. Bunin

ali88_a@mail.ru

The author describes the specialized structural scheme “where sounds” – the marker of the human condition, environment and nature, – formed by the reflexive form of verbs of sounding, tells that the approach to structural scheme as the sign of proposition conditions its two-component structure, shows that the function of objective case in the position of state bearer is the consequence of its “shifted” use accompanying the changes in the semantics of verbs of personal sounding, and pays attention to the semantic differentiation of structure-specific verb and the specificity of scheme speech realization.

Key words and phrases: locative subject, predicative; state; environment.

УДК 80

Филологические науки

Статья раскрывает содержание онтологических и семантических составляющих культурно-языковой картины мира, представленных в этнолингвистических текстах. Основное внимание автор акцентирует на анализе образной конфигурации картины мира, подчёркивает значимость обрядовых комплексов как переходных границ между сакральным и профанным мирами. На примере этнолингвистических текстов, в которых раскрывается образная картина мира, повествующая о переходе границы между сакральным и профанным мирами, автор актуализирует функционирование сакрально-семантического компонента «вода».

Ключевые слова и фразы: культурно-языковая картина мира; семантическое ядро культуры; онтология; структурно-смысловая конфигурация; образная конфигурация; сакральный мир; профанный мир; сакрализованность; вода; обрядовый комплекс.

Андреева Ольга Николаевна, к. филол. н., доцент

Первый Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации

olga06-78@mail.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ВОСТОЧНЫХ СЛAVЯН (НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДОВЫХ КОМПЛЕКСОВ С САКРАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ВОДА»)[©]

Язык как одна из форм существования бытия – явление многоликое, многовекторное, изучаемое во всех аспектах своего функционирования. Как элемент бытия язык, с одной стороны, созидает, создаёт, упорядочивает жизнь и процессы жизнедеятельности, с другой стороны, описывает, фиксирует картины бытия. Язык формирует не только личность, но и жизненное пространство личности, поле её деятельности и коммуникации. Язык, таким образом, непосредственно репрезентирует картину мира, описывает её, позволяет